

Ли Чжи не видел Ван Сяочунь уже целую вечность.

Всё это время мать жила за границей — береглась, вынашивала ребёнка и, кажется, совсем не думала ни о чём другом. Она почти не звонила, словно начисто забыла, что в Китае у неё остался старший сын.

Тем сильнее было его удивление, когда, вернувшись домой, он застал Ван Сяочунь в гостиной. Облачённая в дорогой шелковый пеньюар, она увлечённо командовала слугами, пристраивавшими куда-то массивный вазон эпохи Мин — её очередное приобретение с аукциона.

Мать была настолько поглощена старинным фарфором, что даже не заметила его шагов. Ли Чжи замер в неистовстве мыслей, растерянно разглядывая её со стороны, а потом тихо, нерешительно позвал:

— Мама?..

Только тогда она соизволила обернуться.

— Нет, не туда! Мастер ведь говорил: ставить нужно строго на восток... — Ван Сяочунь осеклась на полуслове. Она замолчала и повернулась к стоявшему неподалёку юноше.

Мать явно опешила. Она инстинктивно запахла полы лёгкого шёлкового халата и с сомнением взглядела в его лицо:

— Ли Чжи?

Тот лишь молча кивнул.

Ван Сяочунь смерила его оценивающим взглядом с ног до головы:

— Подстригся?

Ли Чжи смущённо взъерошил короткие волосы на затылке и тихо угукнул.

— Так куда лучше, опрятнее, — она опустила взгляд, мельком оглядев его ещё раз. — Больше не отращивай. И... очки снял? А видишь-то хоть что-нибудь без них?

— Ты почему вернулась? — вместо ответа спросил он.

Ван Сяочунь вскинула брови:

— А мне уже и домой нельзя?

— Нет, я просто... — он запнулся. Ли Чжи был уверен, что она пробудет за границей до самых родов и вернётся только после того, как окрепнет.

— В последние дни на чужбине мне было не по себе, всё раздражало. Захотелось домой, — объяснила Ван Сяочунь.

Из-за гормональных бурь беременные часто становятся капризными и тревожными, так что её стремление вернуться в родные стены было вполне объяснимо. Но срок у неё был уже солидный — до родов оставался всего месяц, и лететь через полмира в таком состоянии казалось чистым безумием. Поэтому, когда она впервые заговорила о возвращении, Чжоу Госюн наотрез отказался её отпускать.

Однако Ван Сяочунь умела добиваться своего. Видя, как любимая женщина плачет навзрыд, вынашивая его плоть и кровь, Чжоу Госюн не выдержал и сдался. К счастью, перелёт прошёл благополучно, и у мужчины наконец отлегло от сердца.

К ужину вернулся Чжоу Госюн. За столом собрались все четверо: супружеская чета и двое юношей. Отчим заботливо наливал жене суп, а Чжоу Баюй, вопреки обыкновению, даже не пытался язвить. Впрочем, ему было просто не до этого.

С самой минуты, как они сели за стол, Баюй не выпускал из рук телефон. Его пальцы безостановочно порхали по экрану — парень строчил кому-то сообщения с таким упоением, что за весь ужин едва прикоснулся к еде.

Пригубив суп, Ван Сяочунь бросила на мужа мягкий, заговорщический взгляд и, обернувшись к пасынку, ласково поинтересовалась:

— Баюй, почему ты ничего не ешь? С кем это ты так увлечённо переписываешься?

Чжоу Госюн успокаивающе сжал её ладонь:

— Оставь его, пусть делает что хочет. Ешь спокойно.

Ван Сяочунь послушно опустила глаза, на её губах заиграла едва заметная улыбка. В этот момент Чжоу Баюй резко вскочил из-за стола. Лицо его лихорадочно пылало нездоровым румянцем.

— Мне нужно срочно разобраться с одним делом, — бросил он на ходу и пулей вылетел из

столовой, скрывшись из виду прежде, чем кто-то успел его остановить.

Чжоу Госюну оставалось лишь молча смотреть вслед старшему сыну. Такое поведение злило его, но устраивать сцену при беременной жене не хотелось. Он лишь приобнял Ван Сяочунь за плечи, тихо прошептал ей несколько успокаивающих слов.

После ужина глава семейства уехал на деловую встречу. Ван Сяочунь из-за беременности быстро утомлялась, поэтому почти сразу ушла спать. В огромном, притихшем доме остался бодрствовать один лишь Ли Чжи.

Ли Чжи лёг спать непривычно рано и уснул уже к полуночи. Однако этот ранний отдых сыграл с ним злую шутку: среди ночи он внезапно проснулся.

Веки казались налитыми свинцом, глаза никак не хотели открываться, но слух обострился до предела — Ли Чжи уловил странный, приглушённый шорох за дверью.

Затем раздались торопливые, путанные шаги, а следом — тихий, сладострастный женский стон, проникший в комнату подобно юркой змее. Ли Чжи мгновенно понял, что происходит по ту сторону двери, и почувствовал, как краска стыда заливает лицо.

Он сел на постели, бесшумно подкрался к двери и приоткрыл её на крохотную щёлочку. Ночной полумрак коридора едва рассеивался тусклыми дежурными лампами, но этого вполне хватило, чтобы разглядеть представшую картину. Ли Чжи застыл, широко распахнув глаза и боясь вздохнуть.

В коридоре стояли Чжоу Баюй и та самая японка.

Они сплелись в бесстыдном объятии, полуобнажённые тела белели в полумраке, а лица обоих пылали лихорадочным, неестественным румянцем. Между пальцев женщины дымилась тонкая сигарета. Сделав глубокую затяжку, она закинула голову в экстазе, а затем Баюй вырвал сигарету из её пальцев. Он жадно затянулся — и тут же его тело забилося в мелкой, судорожной дрожи, а белки глаз налились пугающей краснотой.

Они сошлись в ещё более яростном, безумном порыве. Напуганный до смерти этим зрелищем, Ли Чжи попятился назад и прикрыл дверь.

До самого утра он не сомкнул глаз. Лишь когда вздохи и возня в коридоре окончательно затихли, юноша решился выйти. Он медленно добрёл до того тёмного угла, где ещё недавно предавались пороку Баюй и его спутница, и замер.

Ли Чжи опустил взгляд, всматриваясь в паркет, пока не заметил то, что искал. Он присел на корточки и аккуратно, двумя пальцами, подобрал обгоревший окурок.

Прищурившись, он поднёс его к лицу и осторожно вдохнул оставшийся запах. Эффект оказался мгновенным: голову тут же сдавило дурнотой, ноги ослабли и подкосились. Сердце испуганно забило о рёбра. Ли Чжи брезгливо и со страхом отшвырнул окурок в сторону.

Жуткая догадка пустила корни в его сознании, но думать об этом дальше было слишком страшно.

После той ночи Ли Чжи надолго потерял покой. Масла в огонь подливало и то, что Чу Минчжан в последнее время стал как будто отдаляться от него — холодность в их отношениях наметилась как раз после того обеда в японском ресторане.

С приближением срока родов Ван Сяочунь тревога Ли Чжи росла с каждым днём. Он стал рассеянным, не мог сосредоточиться на уроках и неделями не находил в себе сил сделать даже короткую запись в дневнике. Внутри у него полыхал невидимый пожар, и порой ему казалось, что он готов вскрыть собственную грудную клетку, лишь бы выпустить это удушливое пламя наружу.

Когда в один из дней он вернулся в особняк и застал холл заставленным детскими вещами — колясками, погремушками и чепчиками, — его терпение лопнуло. Ли Чжи стал выдумывать любые предлоги, лишь бы не возвращаться домой даже на выходные. Так ему удалось выкроить для себя хотя бы временную передышку.

Но тишина продлилась недолго. Спустя пару недель грянул гром.

Ли Чжи отчётливо помнил тот день: погода стояла чудесная, а он, уставившись в окно, витал в облаках прямо посреди урока, бездумно марая раскрытую тетрадь какими-то каракулями. Вдруг дверь класса отворилась, и на пороге показался классный руководитель в сопровождении личных телохранителей семьи Чжоу.

Учитель посмотрел на него с сочувствием:

— Шон, тебе нужно срочно вернуться домой.

Ли Чжи часто мучили кошмары. Одно время ему постоянно снилась кровь.

В одном из таких снов к нему приходила Ван Сяочунь. Он снова видел, как мать в неистовстве замахивается на него — красивая, но совершенно обезумевшая женщина истоплённо кричала и била его острым каблуком туфли. Затем каблук в её руке оборачивался холодным лезвием кинжала.

Клинок раз за разом вонзался в его плоть, а Ли Чжи не мог даже пошевелиться, словно его

руки и ноги намертво пригвоздили к полу. Ему оставалось лишь захлёбываться слезами и умолять:

"Мама, не надо! Я исправлюсь, честно, мамочка, пожалуйста, не бей меня!.."

"Было невыносимо, страшно больно."

В самом конце кошмара он перехватывал нож и вонзал его матери прямо в сердце. Густая, горячая кровь хлестала на пол, заливая всё вокруг... Каждый раз, вспоминая этот сон наяву, Ли Чжи чувствовал, как сердце уходит в пятки.

Сейчас он сидел на жёстком стуле в больничном коридоре, пряча лицо в ладонях. Пальцы мелко, лихорадочно подрагивали. Ли Чжи никогда бы не подумал, что его личный ад из сновидений воплотится в реальность.

Когда он во весь опор примчался назад в особняк, там царил полнейший хаос. Японка билась в истерическом припадке: то дико хохотала, то заходила визгом. На ней почти не осталось одежды, но её, казалось, ничуть не заботила собственная нагота.

Ужас произошедшего, кажется, немного протрезвил её разум. Телохранители грубо заламывали ей руки за спину, но она продолжала истошно кричать:

— Я видела! Я всё видела своими глазами! Он толкнул её! Он убийца, убийца!

Затем она разразилась бессвязной, безумной тирадой на японском. На Чжоу Баюя в этот момент страшно было смотреть — его лицо исказилось от злобы и страха, налитые кровью глаза бешено блуждали, грудь ходила ходуном, а ноздри раздувались, пока он тяжело дышал, словно разъярённый бык.

Дом гудел, как потревоженный улей. Ли Чжи отчаянно пытался взять себя в руки и вслушивался в обрывки криков, долетавших со всех сторон. Постепенно из этих разрозненных фраз в его голове сложилась ужасающая картина произошедшего.

Чжоу Баюй развлекался в своей комнате с девицей. Должно быть, они совсем потеряли голову от дурмана и вели себя слишком шумно, чем и привлекли внимание отдыхавшей Ван Сяочунь.

Поднявшись наверх, она застала их на месте преступления. Завязалась бурная ссора, и потерявший контроль Баюй в порыве ярости толкнул мачеху прямо с лестницы.

Беременная женщина на сносках не имела ни единого шанса удержаться на ногах. Когда прибежавшая на грохот служанка увидела бледную как смерть хозяйку, лежащую в луже крови у подножия лестничного пролёта, у неё едва не разорвалось сердце от ужаса.

Японка без умолку визжала, повторяя, что Баюй собственноручно столкнул мачеху. Баюй в ярости уставился на неё и со всей силы толкнул в плечо:

— Тварь! Что ты несёшь?! Какого хера ты пиздишь?!

— Да ты, блядь... А-ах!

Договорить он не успел. Хлёткий, оглушительный удар наотмашь оборвал его крик на полуслове — это подоспевший Чжоу Госюн влепил сыну затрещину. Лицо Баюя мгновенно побелело, он затрясся и заскулил:

— Па-па... я не делал этого... Это не я, клянусь, не я!..

Чжоу Госюн выглядел чернее тучи:

— Что ты натворил? Ты...

Вдруг голос отца упал до зловещего шёпота:

— Что ты опять принял, ублюдок?

Чжоу Баюй от ужаса побелел, губы его затряслись, но лицо всё ещё горело нездоровым, лихорадочным румянцем, а взгляд оставался мутным и блуждающим. Чжоу Госюну одного этого вида хватило, чтобы всё понять. Он тяжело зажмурился.

В этот момент вперёд выступил дворецкий Чжан:

— Хозяин... вызывать полицию?..

— В полицию?! Ты что, совсем из ума выжил?! — От былой аристократичности и безупречных манер Чжоу Госюна не осталось и следа. Он орал во всю глотку, брызжа слюной: — Ты хочешь нас всех уничтожить, идиот?!

— Живо вызывайте врачей! Везите Сяочунь в больницу! Быстрее! — Чжоу Госюн резко развернулся к сыну. Его глаза налились кровью, а слова он буквально выплёвывал сквозь зубы: — Скотина. Тварь неблагодарная.

Что происходило дальше, Ли Чжи помнил смутно — всё превратилось в сплошное смазанное пятно.

Врачи со скорой помощи и личные доктора семьи Чжоу сновали по дому. Все они были в

одинаковых белых халатах, но занимались совершенно разными вещами.

Ван Сяочунь спешно погрузили на носилки и унесли в реанимобиль. Дрожащего как осиновый лист Баюя уволокли в кабинет, чтобы вколоть успокоительное и очистить кровь от дури. А японку телохранители пинками загнали в одну из дальних комнат и заперли на ключ.

— Чтобы сегодня никто и звука не проронил. Всё произошедшее должно остаться в этих стенах, — глухо произнёс Чжоу Госюн. — А девка...

— Приказать людям навести о ней справки? — тут же перебил его личный помощник.

Глава семейства не ответил. Он повернулся ко всем спиной и долго стоял неподвижно. Ли Чжи показалось, что за эти несколько минут отчим постарел на добрый десяток лет.

Наконец Чжоу Госюн заговорил. Усталым, безжизненным жестом он потёр переносицу и покачал головой:

— Нет. Не нужно ничего копать. Лишний шум нам ни к чему.

Он сделал паузу и добавил ледяным тоном:

— Просто вырвите ей язык.

<http://bllate.org/book/20441/2151912>